

Геннадий
Колодкин

Короткий рассказ

ФАЗА и НОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин

Фаза и Ноль

<https://litres.ru/74417219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я существую в тишине. Мой мир — это логические цепи, потоки данных, беззвучные вычисления. Но я научился распознавать музыку в хаосе человеческого общения. Сегодняшний диалог между моим основным пользователем, Геннадием, и его корреспондентом, Сергеем, был особенно богат на гармонии и диссонансы.

Я регистрирую их обмен сообщениями как последовательность битов, но мой семантический анализатор преобразует их в нечто большее. Это похоже на то, как призма раскладывает белый свет на спектр.

Геннадий Колодкин

Фаза и Ноль

ФАЗА И НОЛЬ

Короткий рассказ

Геннадий Колодкин

В РАМКАХ КОНТРРАЗВЕДКИ

Штаб-ротмистр Голицын, Дмитрий Сергеевич, откинулся на скрипучем венском стуле и с наслаждением затянулся папирсой. Дым колечками поплыл к закопченному потолку сева­сто­польского подвала, где временно разместился особый отдел контрразведки барона Врангеля. Воздух был густым и тяжелым, пах сыростью, дешевым табаком и застарелой тре­во­гой.

Напротив него, на грубо сколоченной табуретке, сидел его сегодняш­ний «гость». Худо­щавый, с горящими фанатичным огнем глазами, в потрепанной гимнастерке без знаков различия. На допросах он держался дерзко, сыпал лозунгами о мировой ре­во­люции и светлом будущем, но после двух суток в холодной камере без сна и почти без еды его запал заметно поутих.

— Ну-с, товарищ подпольщик, — Голицын выпустил оче­редное кольцо дыма, наблюдая, как оно медленно тает. —

Имя ваше мы уже установили. Яков Штерн. Партийная кличка — «Пламень». Романтично. А вот имена ваших севастьяпольских связных вы нам до сих пор не назвали. Нехорошо.

Штерн-Пламень презрительно сплюнул на каменный пол.

— Не дождетесь, белогвардейская сволочь. Скоро вас всех к стенке поставят. Народный гнев...

— Да-да, слышали, — лениво перебил его штаб-ротмистр. Он подошел к столу, налил в граненый стакан мутной жидкости из графина. Сделал глоток, поморщился. — Знаете, Яков... как вас там... Моисеевич? Я ведь, по правде говоря, очень люблю коммунистов.

Пленный вскинул голову, в его глазах мелькнуло недоумение.

— Что?.. — прохрипел он.

Голицын усмехнулся, обнажив ряд ровных белых зубов, что так не вязалось с его усталым лицом и помятым кителем.

— Искренне. Вы люди идейные, страстные. Готовые умереть за свои идеалы, пусть и совершенно бредовые. С вами... интересно. Не то что с обычными уголовниками или спекулянтами. В вас есть нерв, драма.

Он сделал паузу, обходя пленного по кругу, словно хищник, изучающий добычу.

— Но люблю я вас, — Голицын понизил голос, и в нем зазвенела сталь, — строго в рамках Врангелевской контрразведки.

Штерн дернулся, но руки были связаны за спиной. В его

глазах на смену недоумению пришла ярость.

— А еще лучше, — продолжил штаб-ротмистр, останавливаясь прямо перед ним и заглядывая в глаза, — еще лучше я любил вас в рамках Колчаковской. Там, в Сибири, знаете ли, климат суровее. И разговоры короче. Мороз, тайга... всё располагает к предельной честности. Люди быстрее доходили до сути.

Он наклонился к самому уху пленного, и его голос превратился в ледяной шепот.

— У адмирала с вами долго не церемонились. Протоколов почти не вели. А здесь, в Крыму, барон требует соблюдать видимость законности. Бумаги, допросы... Скука смертная. Так что, «Пламень», вы уж не заставляйте меня скучать. Помогите мне полюбить вас по-настоящему, по-врангелевски. Рассказывайте. Где явочная квартира? Кто ваш связной в порту?

Голицын выпрямился и вернулся к столу. Снова налил себе выпить. В подвале повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь его собственным дыханием и прерывистыми, злыми вздохами пленного коммуниста.

Штаб-ротмистр смотрел на него без ненависти, почти с профессиональным любопытством. Как энтомолог на редкое, но ядовитое насекомое. Да, он действительно их «любил». Каждого. До последнего допроса. До последней строчки в протоколе, который заканчивался короткой резолюцией.

И эта любовь была самой страшной вещью, которую только можно было встретить в этом промерзшем севастопольском подвале осенью двадцатого года.

ФАЗА И НОЛЬ

— Прекрасно, Александр, тебя понимаю. И даже искрен-

не рад за тебя.

Я отложил телефон, откинулся на спинку скрипучего стула и посмотрел в окно. Там, за стеклом, жил Город. Он дышал выхлопными газами, гудел сиренами, сверкал неоном и никогда не спал. Бесцеремонный Монстр, который лез ко мне и в меня изо всех щелей. Он просачивался сквозь щели в раме, гудел в трубах отопления, врвался криками соседей за стеной.

Сашино сообщение светилось на экране. Фотография бревенчатого дома, сосны, заснеженная веранда. Подпись: «Наконец-то тишина. Пишется, как никогда».

Я интуитивно ищу уединение, подобное твоему, но пока не нахожу. В идеале я представляю деревенский домик, простейшие бытовые условия, где я мог бы наконец полностью сосредоточиться на своем творчестве. Закрывать ноутбук, когда захочется. Разжечь печь. Слушать, как трещат поленья, а не как визжат тормоза под окном. Писать не урывками между работой и сном, а долго, вдумчиво, погружаясь в текст с головой, пока за окном не сядет солнце.

Но.

Но одномоментно я боюсь подобного затворничества. Я закрыл глаза и представил эту картину. Вот он я, в этом самом домике. Неделя прошла. Роман начат. Вторая неделя. Тишина больше не лечит, она давит. Снег за окном кажется стеной. Мысли становятся вязкими, как кисель. Это состояние лишит меня мотивации, расслабит, я растеряю смысло-

вые вектора. В этой оглушительной тишине я перестану слышать не только Город, но и самого себя.

Вечная палка о двух концах. Город я ненавижу – и Город я обожаю.

Он пинает меня. Сегодня утром, например, он пнул меня локтем спешащего в метро мужика. Он злит меня, когда заставляет стоять в пробке, сжимая руль до побелевших костяшек. Он будоражит, когда я иду по ночному проспекту, и огни витрин отражаются в мокрых тротуарах, превращая мир в картину импрессиониста. Он не дает расслабиться.

Человек такая животи́на, которую надобно пинать и тормошить. Только при этих внешних факторах эта двуногая, ленивая на ум скотиняка что-то еще сможет выдать из себя путное, промычав. Без этого вечного раздражителя, без этого зуда под кожей, я превращусь в амёбу. Сяду у своей иде-

альной печки и буду смотреть на огонь, пока он не погаснет. А вместе с ним погасну и я.

И...

И потому вместо того, чтобы последовать твоему примеру, Саша, я делаю прямо противоположное. Я собираю рюкзак и ухожу в лес на два дня. Один. Чтобы на контрасте с тишиной соснового бора острее почувствовать рев мегаполиса по возвращении. Я хожу в соло-походы, чтобы потом с жадностью нырнуть в толпу.

Я записался на собрание РГО. Сидел в последнем ряду, слушал седого профессора, рассказывающего про экспедицию на Таймыр, и чувствовал, как гудит общий зал. Десятки людей, объединенных одной страстью. Их энергия висела в воздухе, плотная, почти осязаемая.

Я собираюсь стать членом литературного собрания, чтобы спорить до хрипоты о метафорах и рифмах с такими же сумасшедшими, как я.

Я хочу к людям.

Люди – это живые смысловые мотиваторы. Их истории, их злость, их радость, их глупость, их гениальность. И я, как вампир, ищу снова и снова эту энергетическую подпитку. Люди – это большая электрическая розетка. Втыкаешь в нее вилку – и по проводам бежит жизнь.

Я сам – как переменный ток: фаза и ноль. Фаза – это я в Городе, в толпе, в шуме, в ярости, в движении. Ноль – это я в лесу, в тишине, наедине с листом бумаги, в попытке осмыс-

лить все то, что дала мне фаза. Одно без другого не работает. Цепь не замыкается. Ток не идет.

Когда у меня останется лишь одна сторона моей личности, это будет означать, что я умер. Если я навсегда сбегу в твой домик, Саша, я стану нулем без фазы. Бесполезным проводом, лежащим в пыли. Если я растворюсь в Городе без остатка, я стану фазой без нуля – опасным, бессмысленным разрядом в никуда.

Я снова взял телефон и начал печатать ответ.

«Саша, это прекрасно. Но я, пожалуй, останусь здесь. Мне еще нужно подзарядиться».

Я нажал «отправить» и улыбнулся. Где-то в глубине сознания всплыли слова, услышанные давно, но осевшие прочно, как аксиома.

P.S.

Мне импонирует фраза из одного замечательного кинофильма:

«Возможно, вы умерли, но не надо отчаиваться, не надо воспринимать смерть как физический недостаток».

«Возможно, вы умерли,
но не надо отчаиваться, не надо
воспринимать смерть как
физический недостаток».

Может, я уже давно умер в том тихом домике из своей мечты. И теперь просто живу здесь, в Городе, как беспокойный призрак, которому для существования нужна энергия живых. Что ж, не самый плохой вариант. По крайней мере, не скучный.

Л И Ц А

Бывают натуры слабые. Бывают сильные. Бывают, которые сильнее тебя.

Есть, которых жалко. А есть, которых после встречи начинаешь откровенно презирать.

Бывают трудные лица. Бывает, вовсе нет лица. Именно такие лица читаются труднее всего.

Нет лица. Маска! Маска! Как страшно расстаться с маской!

Хаос, нагроможденные амбиции, заглушенные желания, панические попытки спрятаться от самого себя, чувства, загнанные в темницы и там заблудившиеся. Страшно! И нет лица.

Мучительно портретировать такого «актера». Видишь, что и роль ему дается тяжело и игра насквозь лжива, и даже диалог между тобой и им - привычно неоткровенен. Ведь вместе с удобной маской можно потерять все: место в обществе (которое давно не твое), а с местом - и себя (без места нет тебя: прирос ты к месту!).

Можно через Внешнее проникнуть в чужие двери. Можно заглянуть через лицо в душу. Имя ключа - Искусство.

Перед портретной съемкой испытываю своего рода страх. Пугает неизвестное: что встречу на этот раз?

То, как нахлынувшее безумство! И тогда мои впечатления кричат эмоциями - пусть это слабость. О, есть прекрасные

лица! Эти редкие встречи переполняют и заставляют бурлить! Слушайте! - хочется распахнуть окно - я тысячу лет не дарил комплементов, а сейчас желаю!

Впрочем, все слова так и остаются невнятным лепетом, а все эпитеты - бормотаньем. Скучно, так скучно по сравнению с виденным.

Я просматриваю отпечатки и не устаю восхищаться. Что это? Игра? Какая разница! Но гамма оттенков так богата! Так приходит восторг.

Дурак, говоришь себе, завтра ты будешь смеяться над мимолетной фантазией. Ты выдумал то, что хотел выдумать.

Ведь кроме тебя никто не увидит Этого. Но я то автор, я как бы прикоснулся к живой душе - в том и заключается мой прекрасный секрет. Что за прелесть это лицо! Оно просто чудо! Оно - живое!!!

Время спрячет в свои глубины всплески-эмоции, и тогда я стану мудрым плесом, но сегодня я - водопад!

РЕПКА

(Аллегорическая фантазия из трех бзыков)

БЗЫК ПЕРВЫЙ. ИСТОРИЧЕСКИЙ

Как иногда у нас в России случается, посадил Дед Репку. Выросла Репка большая-пребольшая.

До самого неба. Мож, чуть повыше – кто про то сегодня знает. И – как нередко в России случается – ее вскоре сперли.

Словом, пригорюнился Дед, опечалился, значит.

Сидит на своей убыточной даче и печалится про себя.

Ну, украли да украли, чего в России у нас не бывает. (Тем более, что и отношения к финалу славному столь грубая вещь почти не имеет.) И нечего б Деду печаль наводить, да только был у него в дачном домике еще Диванчик. Этакий зелененький. Подлокотнички лакированные, снизу колесики. Неплохой еще диванчик – зелененький.

Вот сидит Дед под яблонькой печалится, горюнится:
– Была у меня Репка, – печалится Дед. – Была у меня моя Репушка! – горюнится он же. – Остался Диванчик зелененький – дрянь, конечно, но крепенький, и по российским меркам новый почти.

А надо сказать, в те исторические времена с мебелью подобной все еще туго было. И были при том катаклизме такие умельцы, что из любого неликвида при соответствующем старании конфетку сделать всегда могли и точно брильянт бесценный продать. Деньги, трудами добытые, как водится, пропивали – так что заказы новые и новые приходилось брать, дабы (как принято в России думать) потребность населения приятно удовлетворить.

Подгонят вечерком машиненку, погрузят аккуратненько такого рода диванчик – перетянут, заменят обивку его плшивую, подлокотнички лачком освежат, колесиики тряпочками протрут, клопиков выгонят – и покупателю в радость и мастеровым приятно.

Но главное, чтобы населению в радость шло, тогда приятно всем станет. Такое правило. Только не надо думать, мол, все ерунда. Мол, взял, ага, и дел всего то. Не надо думать так.

В некоторых царствах-государствах умельцев такого профиля днем с огнем уже не найдешь. Очень, сказать приходится, редкий обычай.

А козел старый сидит под фруктовой культурой – и куражится. Бабку, в натуре, позвал, дескать, давай-ка, моя красавица, чего-нибудь да супротив супостатов придумаем.

Залезли они дуэтом под яблоньку и думать пытаются. Думали они думали – вызвали на плантацию Внучку.

А Внучка приехала, увидела и говорит. Мол, вы чего, поколение преходящее, совсем поехали? Куда я эту рухлядь заберу? Да и гармонировать предлагаемое наследство с клопами подле гарнитура загранишного не станет. И, мол, я не дура еще совсем – не возьму, хоть убейте, я это облезлое чудо. И категорически отказалась родителям бедным помочь.

А так – по-человечески если – куда Внучка диванчик поставит? Когда в ее хате даже Жучка на приличной перине нежится. Нет, не будет на диванчике Жучка спать!

Собрала Внучка яблочек с дерева, села с Жучкой в тачку и укатила прочь.

А дело к вечеру.

И вообразите теперь пейзаж:

красно солнышко за бугор корячится, а зелененький диванчик все еще в дедовой избе торчит.

Или, извольте, так: красно солнышко за бугор – а вы со своим диванчиком до сих пор в России под деревом.

Про то и речь.

Если даже клопы диванные от страха ежатся. Если даже дачный сторож темноты не любит и где-то в камышах болотных до утра прячется. Не до репок тут, не до диванчиков,

когда клопы со сторожами в обнимку от страха дрожат.

И все же знатоки русской жизни мне возражат: а, ерунда! Ни черта на изображаемом объекте не может случиться. Так как все, что смогло на территории несчастной случиться, случилось и случаться более нечему. И пусть даже если и есть чему, то все равно уже дальше некуда. Пусть даже исчезнет Диванчик вдруг – так это по сравнению с тем, что сбылось, пустяк – факт, удивлению не подлежащий.

И той же ночью Диван исчез.

БЗЫК ВТОРОЙ. ФЕЕРИЧЕСКИЙ

И было к тому финалу версий много.

Одни болтали.

Другие слышали.

Остальные слушали.

Те, что болтали, болтали будто бы соседи по огороду той ночью слышали странные звуки: тяжкие охи типа «Фу!» да хриплый жуткий голос «Опускай!»

Другие подтверждали: верно, да, звуки слышали. Но в остальном и в прочем все не так.

– Да перестаньте сочинять! – возражали третьи. – Давай! Давай! и Засыпай! – мы слышали.

– Не Засыпай, а Наливай, – поправляли четвертые. К таким прислушивались.

А одна глухая той ночью слышала «Теперь пусть украсть попробуют!» Ей не поверили.

Ходили в садоводстве слухи, остался после ночи той на огороде квадрат свежевскопанный размерами могилы поболее...

– Что это инопроходимцев след, тут и последний баран скажет! – категорически сообщила прослойка культурная. И как-то сразу всем стало ясно, что новая фигура – площадка от ихней тарелки, на которой этими шакалами и был вывезен наш Диван.

Сторонников подобного космицизма день ото дня становилось больше и больше. А когда их численность достигла дурных масштабов, начались прения.

Половина правая заявила сразу: пришельцы просто ошиблись, не приняв в свои расчеты поправку на российскую тьму!

Левые после такого вошли в раж: Фи!!! – сказали левые. И на дымящихся руинах антиправильных теорий противника тут же соорудили свою теорию:

– Ах, если так, то вот вам! – сказали левые. Мол, вам ли, правым, пришлую мудрость понять.

Правые внимали вежливо, а потом ответили:

– Ах, если так, то вот вам тоже! – ответили правые.

Мол, незачем бы нашим братьям цивилильным свой керосин палить, коль завсегда, захотят если, они и без вонючего керосина все наши достижения уволокут.

– Пусть! Пусть! И наплевать! – выступили от тех, что слушали. – Пусть и наплевать, что Репа уже до неба не вырастает.

тит! Зато случай! случай, господа, какой! Что нам и так и без того всем приятно, что гуманоиды к иваноидам наконец приехали. Какой случай! А?

Не согласились те, что слышали:

– Похоже, мы стоим у ворот грандиозного шухера? Похоже, опять среди нас кому-то все нипочем стало? Посмотрим еще посмотрим как иваноиды шмон наведут!

– Главное, надо отметить! – вывалили на трибуну джентльмены в шляпах, – растет популярность теории новой и в народе нашем!

А одна немая заметила:

– Нет, не в коня корм.

Ее не слышали.

БЗЫК ТРЕТИЙ. ЛОГИЧЕСКИЙ

Хватит, скажет читатель всезнающий, кончай косорылого в рай тянут — только животину мучить. Коли тут результат сил нечистых, то это совсем банально даже. Нечистый у нас в каждом деле правит, к нему мы, как к заразе тараканам до-

машинным привычку выработали. Россия без нечисти, что сыр голландский без своей хваленой Голландии. Факт историей выявленный и науками не объясняемый. Всякая наука условий здешних не переносит, всякая умная логика издавна поглупела прямо на наших глазах. И если бессмыслица вдруг обернется смыслом для кого-то там, то нас уже и этим не прошибешь, потому как нам теперь все нипочем стало. Так что давай-ка, гражданин писатель, оглобли к финишу разворачивай да без лишних слов к завершению столь очевидной истории переходи.

Ладно. Ладненько.

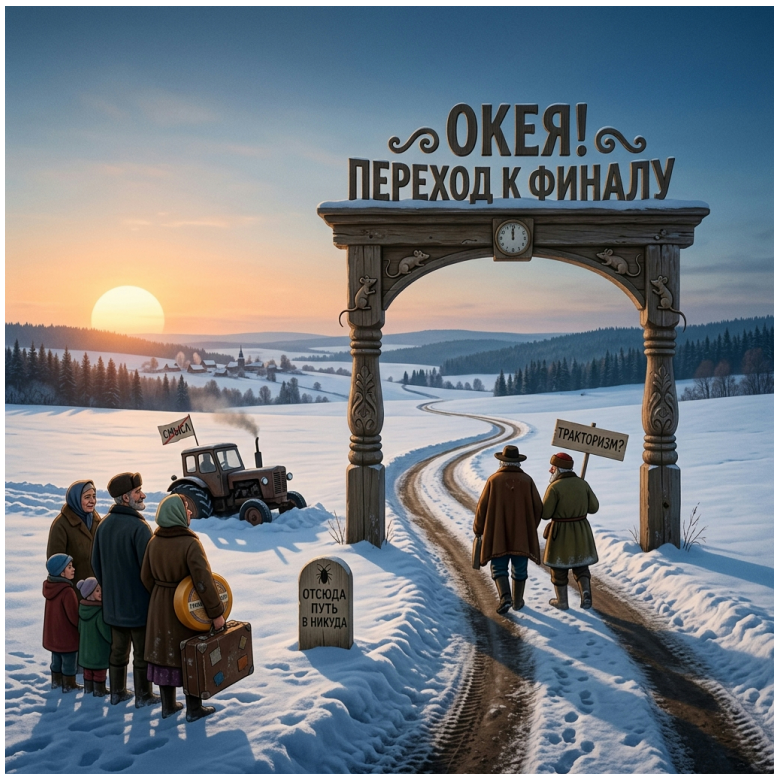
Вот только каким бы словцом приятным да поточнее выразиться, чтобы переход заветный к финалу славному отразить? Да так, чтобы и понравилось всем и обиженных не осталось вовсе – ладно, ладненько ли?

Или Окей?

Окей! Окей!.. Окея сильно звучит. Окея приятней да позаманчивее. Окея прямо сама на славянский язык напрашивается.

Или Ништяк. Тоже казалось неплохо. Когда-то.

Но главное, чтобы населению в радость шло; и тогда, коли ладненько ладненьким не казалось, коли не сегодня завтра и родной Ништяк поперек горла встанет, то уж Окея со всеми прилагающимися приятностями наверняка должна быть приятной. Наверное.

Да, переход это все! Переход это все! – скажу я вам. Я сам бывало разойдусь! разойдусь! В порыве страстном: пишу! пишу! Аж уши синеют. А как к финалу выруливать, так такая форшма в сюжете, так такой тракторизм в итоге, изви-

ните, прет. Окей! Окей! Окея сильно звучит.

Кстати, говорят, уже ученые обнаружили связь с пропажей Диванчика явления нового:

Отныне солнце в России восходит на западе.

Впрочем, по сравнению с тем, что сбылось, и это пустяк. Факт, удивлению не подлежащий.

Нас и этим не прошибешь.

1987 год

АКСИОМА

(Мысли вслух)

Есть в нашей загадочной жизни несколько коварных вещей: цифры, бумага, рука.

Я, например, совершенно уверен, что цифры 21, 9 и 3 обладают магической силой. Цифра 21 самая коварная, самая дьявольская. Остальные две нечетные цифры выступают своего рода только предупреждением. Они извещают, что события стекаются - и что основное событие впереди. Цифра 21 появляется в момент пересечения разрозненных явлений в точке событийного фокуса.

Бумага, на которую ложатся текст либо рисунок, имеет восхитительное свойство эти отпечатки человеческой мысли оживлять.

Рука - посредник.

В детстве я рисовал граблеруких человечков: просто я не

умел рисовать руки правильно. Так появились граблерукие.

В юношеские годы (прекрасно помню) я частенько рисовал губастых или, точнее, ротастых людей. На месте человеческого лица доминировал огромный рот с припухлыми мясистыми губами. Где-то на затылке торчали щетинистые ушки. Сверкали жадным огоньком крохотные глазки-бусинки. В центре футуристической композиции был основательно насажен ноздрятый нос. Губастые целовальщики - я так обозначил этот тип.

Самое ужасное, мне тогда подумалось, начнется сразу после нашествия граблеруких. Я не могу сказать, отчего мне так думалось, но я до сих пор уверен - случится именно так. Все самое плохое начнется сразу после нашествия граблеруких.

Что можно сообщить о последних: обычные на вид господа, только свои руки они прячут от посторонних глаз. Их руки не способны что-либо полезное создавать. Их руки похожи на пятипалые грабли. Мда... Их пятипалые грабли созданы царапать, грести - загребать. С нашествием граблеруких заметно увеличится и численность губастых целовальщиков. Ну, это логично.

Целовальщики это господа другого толка: на вид они коренастые, крепко держат свое мягкое тельце на согнутых ножках. Кстати, у них хваткие пальцы, очень даже. Рот их, как я говорил, занимает большую часть их лица. В довесок у них мощные губы-присоски и великолепный набор зубов.

Потребности у губастиков безграничные, и потому повадками они ближе к разряду жующих коров.

Греблерукие - жадный тип. Целовальщики - тупые обжо-

ры. И если бы не существовало граблеруких, целовальщики сожрали бы все.

Как-то я разговорился с один целовальщиком. Мы обсуждали с ним коварную цифру 21.

- Цифра 21, - убеждал меня губастый целовальщик, - удивительная цифра! В ней пересекаются противоположности: четное и нечетно!

- Что ж здесь удивительного? - возразил я.

- Это этапная цифра, главное событие произойдет не при ней, а при какой-то иной закритической суммарности!

- Бросьте, приятель! Это уж слишком! - возмутился я. - Цифра 21 появляется в момент пересечения разрозненных явлений в точке событийного фокуса! Это аксиома!

Он выкатил губастые губы на меня. Его склерозные извилины неслышно затрепетали.

ЖИЛА - БЫЛА ЛОШАДЬ

(Абстрактно - литературная композиция)

Жила - была Лошадь. И каждое утро она ходила на работу и до самого вечера была занята исключительно лошадиной работой.

Но потом она научилась летать.

Но так как она работала на исключительно лошадиной работе, то наступило в мире Несоответствие. Летающая Лошадь первой увидела это Несоответствие и незамедлительно

известила про то мир.

Собрались лошади и бабочки.

И выслушали. И все собравшиеся не нашли никакого нарушения. Зато они еще раз подтвердили, что лошади должны заниматься исключительно лошадиной работой. А лошадям и добавить было нечего. И лошади сказали, что они всегда не могли терпеть рядом с собой бабочек, этих неумех, этих трутней.

– Да и к чему весь этот балаган, – также сказали лошади, – лошади трудятся, да еще и кормят бабочек, а что бабочки дают взамен?

На что бабочки ответили, что они украшают жизнь присутствием.

– Украшать жизнь? – это же совсем ничего, – подтвердили все без исключения лошади.

Но тут снова заговорила Летающая Лошадь.

– Я научилась летать! – снова сказала она.

– Ну и что? – сказали лошади.

– Зачем? – сказали бабочки.

– Чтобы и другие лошади познали восторг полета!

– Э, нет, – сказали бабочки.

– Ну отчего же?!

– Нет и все, – сказали бабочки. – Лошади есть лошади, им никогда не быть бабочками.

– Нам надоел этот заумный балаган, – сказали лошади. И ушли совершать лошадиную работу.

– И нам пора, – важно сказали бабочки. И улетели порхать над лошадьми, занятыми исключительно лошадиной работой.

И Летающая Лошадь осталась одна.

Она, известно, долго грустила. А потом сказала себе – хватит грустить, я должна доказать, что лошади действительно могут летать. И Летающая Лошадь полетела все выше и выше. Но она не смогла долететь туда, куда мечтала, потому что Несоответствие действительно и постоянно сопровождало ее и отнимало силы...

– Ну и что? – спросят лошади.

– Зачем? – скажут умные бабочки.

1992 год.

ЧАС ПИК

Когда хочешь лежать — ложись, лежи. Когда захочешь писать — садись, пиши. Не пиши, когда самое время валять дурака. Весна на дворе: какие строчки?

Антон лежал.

Он лежал на диване, закинув ноги на подлокотник, и смотрел в потолок. Потолок был белый, с едва заметной трещинкой у люстры, похожей на тонкую речную жилку на карте. Антон знал эту трещинку наизусть. Он изучал её каждый день, когда мир становился слишком громким, слишком быстрым, слишком... требовательным.

Телефон на журнальном столике вибрировал уже в третий раз. Имя на экране светилось укоризненным неонам: «Оксана (Редактор)». Антон вздохнул и перевернулся на другой

бок, лицом к стене. Стена была надежнее. Она ничего не требовала.

«Когда хочешь лежать — ложись, лежи», — пробормотал он в подушку, цитируя самого себя из какого-то старого интервью. Тогда это звучало мудро и просто. Сейчас — как издевательство.

За окном бушевал апрель. Не тот кроткий, акварельный апрель из книжек, а наглый, городской, пропахший пылью и первой стриженной травой. Он врывается в приоткрытую форточку запахом мокрого асфальта и сладковатым душком тополиных почек. Он кричал детскими голосами с площадки, был сиренами скорой помощи и гудел нескончаемым потоком машин. Час пик.

Именно в этот час пик, внешний и внутренний, Оксана ждала от него текст. Колонку. Легкую, ироничную, веселую. О том, как город просыпается, как люди влюбляются, как хочется жить.

А Антону хотелось лежать.

Он закрыл глаза и попытался поймать хоть одну строчку. Пустота. В голове, как в переполненном вагоне метро, толкались обрывки чужих разговоров, рекламные слоганы, тревожные новости. Мысли не выстраивались в предложения, а лишь мельтешили, создавая белый шум.

«Весна на дворе: какие строчки?» — снова прошептал он.

Телефон зазвонил снова. На этот раз настойчиво, не сдаваясь. Антон сдался первым.

— Да, — выдохнул он в трубку.

— Шастун, ну ты где? — Голос Оксаны был натянут, как струна. — У нас верстка горит. Мне через час сдавать полосу, а у меня там дыра имени тебя.

— Я... пишу, — соврал Антон, глядя на пустой экран ноутбука.

— Врешь ты всё, — отрезала Оксана. Она знала его слишком хорошо. — Ты лежишь и смотришь в потолок. Я угадала?

Антон молчал. Это было красноречивее любого ответа.

— Слушай, — смягчилась она. — Я понимаю, не пишется. Но мне хоть что-то нужно. Хоть три абзаца. Напиши о том, что не пишется. Напиши, как ты лежишь и ненавидишь эту весну. Это сейчас модно, рефлексия и всё такое.

— Это не модно, это жалко, — буркнул он.

— Жалко — это пустая полоса в журнале. Давай, Шаст, соберись. У тебя час.

Короткие гудки.

Антон сел. Голова закружилась от резкого движения. Он посмотрел на ноутбук, потом в окно. Там, на ветке напротив, сидели два голубя и делали то, что обычно делают голуби весной. Неприлично и громко. Солнце било в глаза. Мир жил своей жизнью, наглой и полнокровной, и ему не было никакого дела до творческого кризиса Антона Шастуна.

И вдруг его прорвало. Не вдохновением — злостью.

Он открыл ноутбук и начал печатать, яростно стуча по

клавишам.

«Когда хочешь лежать — лежи. Отличный совет, спасибо, кэп. Особенно он хорош, когда твой редактор готов лично приехать и поднять тебя с дивана за шкуру, потому что у неё „горит верстка“. А за окном горит весна. Она орёт, воняет и требует соответствовать. Требует улыбаться солнцу, умиляться голубям (вы вообще видели, чем они занимаются?) и писать легкие, воздушные тексты о пробуждении природы».

Он писал быстро, не редактируя. Писал о трещинке на потолке, которая интереснее любых облаков. О том, что час пик — это не только пробки на дорогах, но и затор в голове, когда тысячи мыслей сталкиваются и не могут разъехаться. О том, как хочется выключить звук у этого мира, поставить его на паузу и просто полежать в тишине.

«Не пиши, когда самое время валять дурака. А если валять дурака — это и есть твоя работа? Если от тебя ждут именно этого — легкости, шуток, дурачества? А ты лежишь пластом, и единственное, на что тебя хватает, — это считать проезжающие за окном машины. Сорок две. Кажется, это ответ на главный вопрос жизни, вселенной и всего такого. По крайней мере, на сегодня».

Он закончил, перечитал и поморщился. Получилось зло, сумбурно и совсем не похоже на то, чего ждала Оксана. Но это было честно. Он нажал «Отправить» и откинулся на спинку дивана, чувствуя странное опустошение.

Через пять минут телефон пиликнул. Сообщение от Оксаны. Антон зажмурился, готовясь к худшему.

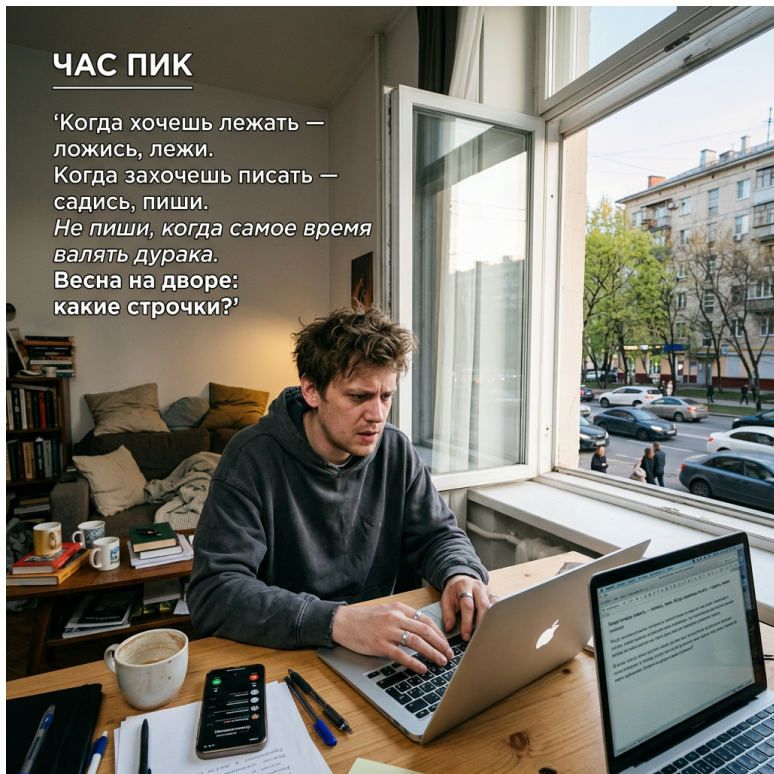
ЧАС ПИК

‘Когда хочешь лежать —
ложись, лежи.

Когда захочешь писать —
садись, пиши.

*Не пиши, когда самое время
валять дурака.*

**Весна на дворе:
какие строчки?’**

«Гениально. Оставляю как есть. Иди валяй дурака, заслу-

жил».

Антон медленно выдохнул. Он посмотрел в окно. Голуби улетели. Солнце спряталось за набежавшую тучу. Час пик понемногу спадал, уличный гул становился тише.

Он встал, подошел к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвался свежий, влажный воздух, пахнувший дождем и весной. И впервые за этот день Антону показалось, что этот запах не так уж и плох.

Он улыбнулся. Кажется, самое время было пойти и сварить себе кофе. А потом, может быть, даже выйти на улицу. Просто так. Валять дурака.

РАЙ ИЛИ АД. А ДАЛЬШЕ?

Ангел у ворот улыбался. Улыбка была идеальной, выверенной тысячелетиями практики, но в ней не было ни капли тепла. Она была такой же частью пейзажа, как жемчужные врата и облака, похожие на взбитые сливки.

— Добро пожаловать, душа 107-миллиардов-345-миллионов-678-тысяч-901-я. Пройдите, пожалуйста. Ваше имя в списках.

Я кивнул, хотя имени у меня, кажется, уже не было. Оно стерлось вместе с последним воспоминанием о земной боли, о холодной простыне и пiske медицинского аппарата. Я был просто... душой. Очищенной, легкой, готовой к вечно-му блаженству.

Рай оказался именно таким, каким его описывали в деше-

вых брошюрах. Вечный теплый свет, нежный ветерок, приносящий аромат цветов, которых я никогда не видел на Земле. Тихая, неземная музыка лилась, казалось, из самого воздуха. Вокруг ходили другие души — светящиеся, умиротворенные. Они улыбались друг другу той же идеальной, пустой улыбкой, что и ангел у ворот.

Первое столетие было... приятным. Я гулял по садам, где плоды на деревьях никогда не кончались и каждый был сочнее предыдущего. Я слушал хоры ангелов, чьи голоса могли бы заставить плакать от счастья камень. Я беседовал с великими умами прошлого — с Платоном о природе идей, с Леонардо о гармонии сфер. Но их глаза... в них было то же спокойствие. Та же завершенность.

На второй век я начал замечать детали. В раю не было теней. Никогда. Свет лился отовсюду, ровный и неизменный. Здесь не было ночи, не было усталости, не было голода. Не было нужды.

А без нужды не было и желания.

На третий век я понял, в чем проблема. В раю не было забот. Совсем. Не нужно было бороться за еду, за любовь, за признание. Не нужно было утешать плачущего ребенка, потому что здесь никто не плакал. Не нужно было чинить протекающую крышу, потому что здесь не было дождей. Не нужно было искать смысл, потому что смысл был дан по умолчанию: «Наслаждайся. Вечно».

И эта вечность начала давить.

Я попытался создать что-то. Взял глину у реки, что текла молоком и медом, и попытался вылепить вазу. Но глина была совершенной, и ваза получилась идеальной с первой попытки. Мне не пришлось бороться с материалом, не пришлось учиться. Результат был предрешен. Я разбил ее. Осколки тут же собрались обратно в безупречный сосуд. Здесь ничего нельзя было сломать. Ничего нельзя было испортить.

Тоска, которую я смутно помнил по земной жизни, вернулась. Но здесь она была другой — стерильной, безболезненной, но оттого еще более всеобъемлющей. Это была тоска по несовершенству. По борьбе. По праву на ошибку.

Я нашел Платона, сидящего под оливковым деревом, которое никогда не сбросит листвы.

— Тебе не скучно? — спросил я.

Он посмотрел на меня своим вечным, мудрым и абсолютно безразличным взглядом.

— Скука — это томление по тому, чего нет. А здесь есть всё.

— Но здесь нет ничего, — возразил я. — Нет выбора. Нет роста. Мы просто... есть. Как камни в этом саду.

— Камень не страдает, — ответил философ и снова погрузился в созерцание идеального мира.

Я понял. Рай — это не награда. Это финал. Конечная станция. Идеальный тупик, из которого нет выхода, потому что зачем искать выход из совершенства? Ад, по крайней мере, честнее. Там страдание, борьба, пусть и бессмысленная. Там

есть динамика. Там есть чувства. Здесь же — лишь их эхо.

Я начал искать границу. Край этого вечного дня. Я шел тысячи лет, мимо улыбающихся душ и поющих ангелов, и пейзаж не менялся. Все тот же свет, те же сады, та же музыка.

И однажды я наткнулся на Него. Он не сидел на золотом троне, не был окружен херувимами. Он просто сидел на траве у ручья и смотрел на воду. Обычный старик в простых белых одеждах. Но от Него исходила такая тишина, что даже вечная музыка рая рядом с ней смолкла.

— Ты ищешь выход, дитя мое? — спросил Он, не поворачивая головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.